

П р а в о

УДК 342+343

Кокамбо Юлия Дмитриевна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Россия

E-mail: julia_kd@bk.ru

Скоробогатова Оксана Викторовна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Россия

E-mail: skorobogatova1980@bk.ru

Kokambo Julia Dmitrievna

Amur State University,

Blagoveshchensk, Russia

E-mail: julia_kd@bk.ru

Skorobogatova Oxana Viktorovna

Amur State University,

Blagoveshchensk, Russia

E-mail: skorobogatova1980@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕРТВ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION RELATED TO PROTECTION OF THE FAMILY VIOLENCE VICTIMS RIGHTS

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования защиты жертв семейного насилия, анализируется практика правового регулирования данного вопроса в зарубежном праве. Авторы исследовали перспективы введения новых правовых инструментов защиты потерпевших от семейного насилия с позиции их реальной эффективности.

Abstract. The article highlights problematic aspects of domestic violence-related legislation, including practice of legal regulation of this issue in international law. The authors investigated the effectiveness of new legal instruments in protecting victims of domestic violence.

Ключевые слова: профилактика семейно-бытового насилия, потерпевшие, защитное предписание, семейно-бытовое насилие, профилактический учет, профилактическая беседа.

Key words: prevention of domestic violence, victims, protective order, domestic violence, preventive supervision, preventive conversation.

Семейное насилие является, к сожалению, социальной проблемой практически всех государств мира. В силу специфики самих семейных отношений, которые не должны испытывать на себе чрезмерного воздействия правового регулирования со стороны государства, физическое и психическое насилие, осуществляемое членами семьи в отношении своих близких, относится к числу латент-

ных правонарушений. Потерпевшие не торопятся придать огласке данные факты, полагая, что это может повредить престижу семьи, осложнит дальнейшие семейные отношения. Реакция правоохранительных органов на факты семейного насилия также не позволяет обеспечить ни эффективную психологическую, ни правовую поддержку потерпевших. Принятые в 2017 г. поправки в Уголовный кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях, декриминализовавшие побои в отношении близких лиц, на наш взгляд, лишь усугубили проблему выявления и привлечения к ответственности за данные деяния. Своеобразным «маркером» давно назревшей в указанной сфере проблемы стало принятое 9 июля 2019 г. Постановление Европейского суда по правам человека о домашнем насилии в России, в котором признано наличие изъяна в законодательстве РФ по защите от домашнего насилия и практики его применения; отмечено, что декриминализация 2017 г. была шагом в неверном направлении.

Проблема безнаказанности за семейно-бытовое насилие ярко демонстрируется многочисленными социологическими исследованиями. Так, по статистическим данным известных организаций («Левада-центр», ВЦИОМ, Всемирная организация здравоохранения – ВОЗ) на январь 2020 г.: 24% опрошенных россиян сталкивались с домашним насилием в ближайшем окружении, в том числе в собственной семье; 75-85% случаев насилия в отношении детей совершается в «круге доверия» (среди людей, которые должны быть наиболее безопасны для ребенка); больше 60% уголовно наказуемых деяний в отношении детей в России происходит в семьях; 35% опрошенных женщин хотя бы раз в жизни сталкивались с физическим (со стороны партнера) или сексуальным насилием; 15,7% опрошенных пожилых людей, не проживающих в специальных учреждениях, сталкивались с жестоким обращением [1].

В Российской Федерации проблема защиты прав лиц, пострадавших от семейного насилия, усугубляется отсутствием правовых дефиниций «домашнее насилие», «бытовое насилие», «преследование», «домогательство». Кроме того, до сих пор нет нормативно-правовой базы, обеспечивающей защиту членов семьи, подвергающихся насилию в семье, а также эффективных мер профилактики подобных действий. К основным проблемам в исследуемой сфере, помимо перечисленных, следует отнести отсутствие в уголовном законодательстве четких указаний на то, какое количество актов представляет собой систематическое насилие для того, чтобы привлечь домашнего тирана к уголовной ответственности за побои. Прослеживается несовершенство системы административных наказаний для защиты жертв семейного насилия от повторных насильственных действий. Следует заметить, что в российском уголовном праве тяжесть домашнего насилия не рассматривается какотягчающее обстоятельство. Усугубляется всё вышеперечисленное еще и отсутствием юридической защиты лиц (в том числе права на бесплатную квалифицированную юридическую помощь), обратившихся в правоохранительные органы, в период расследования фактов домашнего (бытового) насилия.

Данная проблема породила необходимость правовой регламентации действий правоохранительных органов, направленной на профилактику подобных деяний, с одной стороны, и обеспечение защиты пострадавших от семейного насилия на время расследования обстоятельств дела, – с другой. Законопроект о профилактике домашнего насилия обсуждается достаточно давно.

Итогом многочисленных обсуждений и споров в правозащитных, политических и научных кругах стал проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» и его последняя редакция, представленная на общественное обсуждение Советом Федерации РФ 29 ноября 2019 г. Указанный законопроект в последней актуальной редакции приобрел своих сторонников и противников. Аргументы сторонников законопроекта сводятся к следующему:

меры, которые предлагает законопроект, – правовое информирование, профилактический учет, защитное предписание, – должны предотвращать правонарушения в данной сфере;

временный запрет приближаться к человеку (защитное предписание) является эффективным способом оградить пострадавшего от агрессии;

заявление в полицию могут подать не только сами пострадавшие, как сейчас (что, по мнению экспертов, вынуждает потерпевшего доказывать факт насилия и делает его беззащитным перед давлением партнера), но и любой, кому стало известно о произошедшем.

Критика законопроекта связана со следующими проблемами, которые либо он не решает, либо порождает:

закон может инициировать злоупотребления со стороны жертв насилия, которые будут спекулировать правом получения защитного предписания и не только;

законопроект направлен не на защиту жертв семейно-бытового насилия, а на сохранение семьи, как следует из п.1 ст. 4 (т.е. как таковой защиты не будет);

вмешательство государства в сферу межличностных семейных отношений подорвет устои гражданского общества;

законопроект нарушает право на неприкосновенность жизни, личную и семейную тайну, а также право на защиту информации о частной жизни граждан.

Хотелось бы привести собственную позицию относительно содержания и эффективности действия законопроекта. Так, ст. 2 указанного законопроекта дает определение семейно-бытового насилия, под которым понимается умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления. Данная дефиниция является отправной точкой применения профилактических мер, перечисленных в законопроекте: профилактический учет, профилактический контроль, профилактическая беседа, выдача защитного предписания и др. Однако к определению семейно-бытового насилия, как оно изложено в законопроекте, есть ряд вопросов. Во-первых, будет ли распространяться закон на правонарушителей, совершивших уголовные и административные правонарушения в отношении своих близких? Исходя из буквальной интерпретации понятия семейно-бытового насилия – нет. Однако правонарушитель далеко не всегда будет находиться вне семейных контактов после установления факта наличия в его деяниях признаков преступления или административного проступка. Таким образом, члены семьи, пострадавшие от агрессора, не могут рассчитывать на имеющиеся средства защиты, предусмотренные данным законом? Полагаем, что такое положение вещей не просто нецелесообразно, но и абсурдно по своей природе. Во-вторых, не совсем ясно, какие деяния будут охватываться данным понятием, поскольку большинство насильственных действий будет квалифицироваться или как преступление, или как административный проступок. На какое иное поведение «домашнего тирана» тогда рассчитан данный закон? Формулировка «причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания» также вызывает некоторые сомнения. Ведь систематические насильственные действия могут развить эмоциональную резистентность у потерпевшего, который будет воспринимать насилие над ним как вариант нормы.

Думается, что законопроект мог бы послужить дополнительной правовой защитой, наряду с действующими нормами уголовного и административного законодательства, т.е. правонарушитель, помимо уголовного или административно-правового наказания, мог бы подвергаться действию такого важного правового средства как защитное предписание, которое, на наш взгляд, будет эффективным способом предотвращения новых посягательств в отношении жертвы. В соответствии со ст. 2 законопроекта защитное предписание – документ, оформленный должностным лицом органа внутренних дел, определяющий меры защиты лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию. Срок действия документа по общему правилу составляет 30 суток с момента его вынесения должностным

лицом. Законопроектом предусмотрена возможность применения защитного предписания только с согласия потерпевшего или его законного представителя. Полагаем, что защитное предписание должно выноситься и без согласия лица, подвергшегося семейно-бытовому насилию, если есть основания полагать, что это лицо находится в состоянии зависимости от нарушителя или испытывает страх. Таким образом, состояние дезориентированности жертвы должно учитываться при вынесении защитного предписания. Кроме защитного предписания как средства обеспечения безопасности лиц, подвергнутых семейно-бытовому насилию, законопроект предусматривает судебное защитное предписание, устанавливающее более суровые требования к лицу, в отношении которого оно вынесено, и обеспечивающее защиту потерпевшего на больший период – от 30 суток до одного года.

Представляется, что данное средство защиты будет достаточно эффективным лишь в случае установления суровых мер к лицам, нарушившим требования защитного предписания. Пункт 5 ст. 24 и п. 6 ст. 25 указывают на наличие юридической ответственности в случае нарушения защитного предписания. Однако весь вопрос в том, насколько серьезной будет такая юридическая ответственность для того, чтобы реализовать одну из своих основных целей – общую и частную превенцию.

Обратимся к опыту зарубежных государств в части обеспечения защиты жертв семейного насилия. В соответствии с австралийским законодательством и законодательством королевства Нидерланды полиция имеет право выдворять из жилища лиц, осуществляющих домашнее насилие в отношении членов своей семьи; кроме того, по временному распоряжению, выданному в судебном порядке, ограничивается возможность указанных лиц находиться в помещениях, где живут пострадавшие, а также вблизи жилища (уличный запрет). Законы Швеции обеспечивают жертвам семейного насилия возможность получения нового жилья, документов, а также электронных средств защиты и телохранителей. Охранные ордера могут предусматривать требование физического дистанцирования агрессора от потерпевшего [2].

Важнейшим средством защиты жертв семейного насилия являются кризисные центры, убежища. Однако законодательство некоторых государств (например, Албании) предусматривает возможность пользования убежищем лишь при наличии охранного ордера. Такое ограничение не способствует снижению риска для жизни и здоровья потерпевших, поскольку получение охранного ордера требует определенного времени, которого может не быть у лиц, подвергающихся насилию в семье. Эксперты, занимающиеся вопросами профилактики семейно-бытового насилия, отмечают в своих докладах важность легкодоступности убежищ, их непосредственную близость к месту проживания потерпевших [3].

Важным средством защиты является возможность потерпевших воспользоваться бесплатной юридической помощью. Так, согласно исследованию, проведенному в США в 2003 г. по вопросу эффективности предоставления бесплатной комплексной помощи, была выявлена прямая зависимость между общим снижением численности домашнего насилия и увеличением роста предоставляемых бесплатных юридических услуг жертвам семейного насилия по вопросам получения охранного ордера, опеки над детьми, алиментов [4].

Возвращаясь к отечественному правовому регулированию, следует констатировать необходимость системного организационно-правового подхода к указанной проблеме. Полагаем, что принятие закона, обеспечивающего защиту жертвам семейного насилия, вопрос времени. Однако следует детально проработать инструменты профилактики и защиты, поскольку организационно-правовой механизм, закрепленный в законопроекте о профилактике семейно-бытового насилия, имеет существенные изъяны.

На наш взгляд, закон должен включать четкие определения видов насилия – физического, сексуального, психологического и экономического. Принятие специального закона должно сопровождаться криминализацией домашнего насилия, т.е. должно быть предусмотрено уголовное наказа-

ние, соразмерное тяжести совершенного преступления и обеспечивающее эффективную защиту прав и интересов потерпевших.

1. Домашнее насилие в России: что делать?// Полит.ру. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2020/09/03/home/>

2. Самое опасное место: обзор мер по противодействию домашнему насилию. Международный опыт. – Режим доступа: <https://www.srji.org/resources/search/obzor-mer-protivodeystvi%D0%B0-domashnemu-nasiliju/>

3. Poole, A., Beran, T., Thurston, W.E. Direct and indirect services for children in domestic violence shelters // Journal of family violence. – 2008. – № 23(8). – P. 679-686.

4. Farmer, Amy, Tiefenthaler, Jill. Explaining the Recent Decline in Domestic Violence, 21 Contemporary Econ. Pol'y 158, 167 (2003).

УДК 343.8

Бутенко Татьяна Павловна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Россия

E-mail: butanya1979@yandex.ru

Петайчук Антон Андреевич

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Россия

E-mail: peta.anton@ya.ru

Butenko Tat'yana Pavlovna

Amur State University,

Blagoveshchensk, Russia

E-mail: butanya1979@yandex.ru

Petaychuk Anton Andreevich

Amur State University,

Blagoveshchensk, Russia

E-mail: peta.anton@ya.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

PUBLIC IMPACT AS A MEANS OF CORRECTING PRISONERS IN A PANDEMIC

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения такого средства исправления осужденных как общественное воздействие в условиях пандемии. Авторы приходят к выводу о том, что в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует должная регламентация названного средства, в связи с чем формируется различная практика его применения на территории Российской Федерации. Кроме того, в условиях форс-мажора данное средство практически не применяется к осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы, в связи с чем предлагается оптимизировать уголовно-исполнительное законодательство по обозначенному вопросу.

Abstract. The article focuses on the problems how to use such a means of correcting convicts as a social impact in a pandemic. The authors come to the conclusion that there is no proper regulation of the